

Индекс 70156

ISSN 0042-8744

11

ISSN 0042-8744 Вопросы философии, 2017, № 11

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

2017

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

11
2017

CONTENTS

On the anniversary of the Russian Philosophical Society

The work of RFS discuss Vyacheslav S. Stepin, Alexander N. Chumakov, Olga V. Malyukova, Sergey I. Dudnik, Gennady V. Drach, Mustafa I. Bilalov, Leonid Ya. Podvoisky, Tatyana V. Bernukevich, Niginakhon A. Shermukhamedova, Vyacheslav I. Kudashov.....	5
Boris I. Pruzhinin, Alexander Yu. Antonovskiy, Natalia N. Voronina, Irina N. Griftsova, Aleksander M. Dorozhkin, Ilya T. Kasavin, Evgeniy V. Maslanov, Igor D. Nevvazhay, Sophia V. Pirozhkova, Tatiana D. Sokolova, Galina V. Sorina, Olga E. Stoliarova, Tatiana G. Shchedrina, Boris G. Yudin – Communications in Science: Epistemological, Socio-cultural and Infrastructural Aspects. Materials of the Round Table	23
Larisa P. Kiyashchenko – Personality as a Hologram in the Transdisciplinary Culture	58

History of Russian Philosophy

Alla Yu. Bolshakova – Philosophical Constants and Artistic Individualization of the Archetype in <i>The Life</i> by Archpriest Avvakum.....	68
Elena A. Takho-Godi, Giorgia Rimondi – A.F. Losev about the Purposes of Musical Aesthetics (New Materials from the Archive of GAKhN).....	79
Alexei F. Losev – Materials from the archive of GAKhN (The text prepared to the publication and notes by G. Rimondi, E.A. Takho-Godi).....	89

Russia – a Hundred Years after the Revolution: Causes and Effects. Material of the International Scientific Conference

Elena V. Besschetnova – Order №1 and Army Collapse: at the Origins of the October 1917	97
Vladimir K. Kantor – Revolution, or Entry into the Age of Insanity.....	100
Olga A. Zhukova – Evgeny Trubetskoy as a Philosopher of History: on the Meaning of Russian Revolution.....	104
Marina S. Kiseleva – Intellectuals and the First Russian Revolution of 1917: N. Berdyayev and M. Gorky	108
Alexei A. Kara-Murza – ‘History’ and ‘Historical Accident’ in the Social Concept of Russian Bolshevism by V.I. Talin	112
Alexander F. Filippov – Revolution and the Sovereign Dictatorship	115
Tatiana G. Shchedrina, Boris I. Pruzhinin – Philosopher in the Revolution: the Consolation of Philosophy	120
Sergey A. Nickolsky – ‘Life after’. On the Revolutionary Imagination of Bolshevik Politicians and Writers – A. Bogdanov, N. Bukharin, E. Zamyatin, Vladimir Lenin, A. Platonov and E. Preobrazhensky	134

History of Philosophy

Tao [of Government of Yao] the Tang [and Shun] the Yu (the Text from Guodian). Translated with Introduction by Nikolai P. Martynenko.....	147
Ilya A. Kanaev – The Great Learning	152
The Great Learning, Daxue, translated into Russian by Ilya A. Kanaev.....	155
Nikolai V. Rudenko – Li Zhi “A Book to Burn”: Philosophical Ideas and Structure of Juan № 3.....	163
Dmitry E. Martynov, Yulia A. Martynova – Confucian Category of Joy in Works of Kang Youwei and Nobuya Hamada.....	175
Kang Youwei – “The Book of Great Unity”, Part I, Introduction, Translated from Chinese with Commentaries by Dmitry E. Martynov	180

Nobuya Hamada – “An Ideal World”, Chapter III, Conclusion, Translated from English with Commentaries by Dmitry E. Martynov	184
Vsevolod V. Zolotukhin – The Pure Theism and the All-Unity Doctrine Criticism: Friedrich Bouterwek’s Philosophy of Religion.....	190

Letters to Editors

Alexander L. Nikiforov – Is There a World of Philosophy?	200
Che Yuling – Holiness and Mysticism: Major Dimensions of Russian Culture	207

Scientific Life

Taisiia S. Paniotova – Utopia: Life after Death (Review of Scientific Conference).....	213
Juan Pro Ruiz – Readings of Thomas More: Reflections from Spain	216

Book Reviews

Leonid E. Grinin – Halil A. Barlybaev. Solidarology. Philosophy of Solidarity	219
--	-----

Сдано в набор 08.08.2017 Подписано к печати 10.10.2017 Дата выхода в свет 28.11.2017
 Формат 70 × 100¹/₁₆ Офсетная печать Усл. печ.л. 18.2 Усл.кр.-отт. 12.7 тыс. Уч.-изд.л. 21.9
 Бум.л. 7.0 Тираж 686 экз. Зак. 1626 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Президиум РАН

Издатель: ФГУП «Издательство «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
 Адрес редакции: 117997 Москва, Профсоюзная, 90
 Телефон 8 (495) 276-70-35 (доб. 3361)
 Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука» (Типография «Наука»),
 121099, Москва, Шубинский пер., 6

БЕССЧЕТНОВА Елена Валерьевна – кандидат философских наук, заместитель заведующего Международной лабораторией исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва.

ebesschetnova@hse.ru

ЖУКОВА Ольга Анатольевна – доктор философских наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва.

ozhukova@hse.ru

КАНТОР Владимир Карлович – доктор философских наук, профессор, заведующий Международной лабораторией русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва.

vlkantor@mail.ru

КАРА-МУРЗА Алексей Алексеевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института философии РАН, Москва.

a-kara-murza@yandex.ru

КИСЕЛЕВА Марина Сергеевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института философии РАН, Москва.

markiseleva@gmail.com

ПРУЖИНИН Борис Исаевич – доктор философских наук, главный редактор журнала «Вопросы философии», профессор Школы философии Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва.

prubor@mail.ru

ФИЛИПPOB Александр Фридрихович – доктор социологических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва.

afilippov@hse.ru

ЩЕДРИНА Татьяна Геннадьевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета, профессор кафедры философии Дальневосточного федерального университета (ДФУ), Владивосток, редактор журнала «Вопросы философии», Москва.

tannirra@yandex.ru

Статьи поступили в редакцию 10 мая 2017 г.

Цитирование:

Бессчетнова Е.В. Приказ № 1 и развал армии: у истоков Октября 1917 г. // Вопросы философии. 2017. № 11. С. 97–100.

Кантор В.К. Революция, или Вступление в эпоху безумия // Вопросы философии. 2017. № 11. С. 100–104.

Жукова О.А. Е.Н. Трубецкой как философ истории: о смысле русской революции // Вопросы философии. 2017. № 11. С. 104–108.

Киселева М.С. Интеллигенты и первая русская революция 1917 г.: Н. Бердяев и М. Горький // Вопросы философии. 2017. № 11. С. 108–112.

Кара-Мурза А.А. «История» и «исторический случай» в социальной концепции русского большевизма В.И. Талина // Вопросы философии. 2017. № 11. С. 112–115.

Филиппов А.Ф. Революция и суверенная диктатура // Вопросы философии. 2017. № 11. С. 115–120.

Щедрина Т.Г., Пружинин Б.И. Философ в Революции: «утешение» философией // Вопросы философии. 2017. № 11. С. 120–127.

Интеллигенты и первая русская революция 1917 г.: Н. Бердяев и М. Горький* М. С. Киселева

Что принесли России события февраля-марта 1917 г.^{1?} Каким русские интеллигенты увидели, попытались осмыслить и поставить в контекст интеллектуальной истории ее главное событие — падение русской монархии? Зная дальнейший ход истории, нельзя не понимать принципиальной разницы в оценке события весны 1917 г. до и после Октябрьского переворота. А. Солженицын писал: «Столетняя дуэль общества и трона не прошла вничью: в мартовские дни идеология интеллигенции победила — вот, захватив и генералов, а те помогли обессилить и трон. <...> Национальное сознание было отброшено интеллигенцией — но и обронено верхами. Так мы шли к своей национальной катастрофе» [Солженицын 2017, 36]. Если согласиться с Солженицыным и считать первую революцию победой русской интеллигенции, то важно понять, как эту победу оценивали победители.

Николай Бердяев и Максим Горький — две значимые фигуры, различающиеся по своему социальному происхождению, роду занятий, политическим и религиозным убеждениям, опыту и практикам отношения к власти и т.д. Оба, при всех различиях, были людьми свободного пера, жившие писательским трудом (философско-публицистическим и художественным), глубоко переживавшие за судьбу России. И тот, и другой активно публиковали свои наблюдения, размышления и прогнозы в периодической печати. Предшествующая мартовским дням и сопровождавшая революционные события 1917 г. Первая мировая война, связала осмысление обоих событий накрепко, а потому и Бердяев, и Горький многократно обращались к осмыслению и военных, и революционных тем.

* * *

Готовя сборник «Судьба России» [Бердяев 1990] из своих статей о войне, Бердяев в предисловии, озаглавленном «Мировая опасность», желал скорейшего завершения войны. Это было полной противоположностью той позиции, которую он занимал на протяжении трех с половиной лет военных действий: гуманист и религиозный мыслитель Н. Бердяев тогда поддерживал войну. В самом ее начале война мыслилась им «новым историческим измерением», решением «таинственных судеб человечества». Желание мира и ненасилия, по Бердяеву, есть «таинство» желания Царства Божия. Оценивая мировую войну в религиозно-метафизическом смысле, Бердяев полагал, что в ней находит выражение «трагический ужас жизни»: «...если в войне есть озверение и потеря человеческого облика, то есть в ней и великая любовь, преломленная во тьме» [Там же, 183]. «Антиномическое» отношение к войне объяснялось им антиномичностью самого христианства: Христос принес *на землю меч*, но Он же проповедовал непротивление злу как *Божью заповедь*. Имея в виду этот религиозно-метафизический смысл, философ не соглашался с тем, что в мирской жизни война есть борьба «нравственных складов» воюющих между собой народов. Так, он писал в тексте «О правде и справедливости в борьбе народов», что «...война апеллирует не к моральной справедливости, а к онтологической силе» [Там же, 194]. В статьях военных лет не раз была высказана уверенность, что «онтологическая сила» будет за русской идеей, которая, в свою очередь, подпитывается чувством, свойственным русской душе — «богоизбранности и богоносности»: «Бьет тот час мировой истории, когда славянская раса во главе с Россией призывается к определяющей роли в жизни человечества» [Там же, 3].

Однако случилась революция, и Бердяев констатировал: «...русский народ не выдержал великого испытания войны... потерял свою идею» [Там же, III]. В стилистике пророка, «предсказывающего назад», он писал: «Я знал, что в русском народе и в русской интеллигенции скрыты начала самоистребления» [Там же, IV]. Он готов включить в список

* Исследование финансировалось в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации “5–100”.

виновных потери идеи и себя самого: «Все мы к этому руку приложили» [Там же]. И вот запоздалое покаяние: «Нельзя было расшатывать исторические основы русского государства во время страшной мировой войны, нельзя было отравлять вооруженный народ подозрением, что власть изменяет ему и предает его. Это было безумие, подрывавшее возможность вести войну» [Там же].

Как на эту же тему рассуждал М. Горький? В 1913 г. он вернулся в Россию из Италии и начал сотрудничать с большевиками, редактируя партийные газеты. С апреля 1917 г. в Петрограде под редакцией Горького выходит газета «Новая жизнь», где публиковались статьи и социал-демократов, и меньшевиков. Считая чрезвычайно важными свои новозаписные статьи, Горький собрал их в книгу и издал в 1918 г., назвав «Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре». Авторский замысел книги подчинил ее структуру не хронологии выхода статей, а их проблемному содержанию. Самым актуальным было отношение к мировой войне. Горький с самого начала военных действий видел войну как «мировую бойню», то есть, по Бердяеву, односторонне, только в мирском ее осмыслении. Его позицию выражали инвективы против войны, как бессмысленного «кровавого кошмара», который привел к безумию людей, способных разрушать то, что создано «вековым трудом множества поколений»: «Плодоносный слой земли уничтожен взрывами фугасов, мин, снарядов, изрыт окопами, обнажена бесплодная подпочва, вся земля исковеркана, осквернена гниющим мясом невинно убитых. Насилуют женщин, убивают детей, — нет гнусности, которая не допускалась бы войной, нет преступления, которое бы не оправдывалось ею» [Горький 1990, 85]. Не делая разницы между воюющими сторонами, Горький ставит свой диагноз: «Эта война — самоубийство Европы!» [Там же]. Как видим, его мысли существенно отличаются от того, что писал Бердяев, как в отношении воюющей Европы, так и в отношении России.

* * *

Февральскую революцию Бердяев встретил в Москве. В «Самопознании» он еще раз констатировал: «Характер русской революции определился тем, что она была порождением войны» и заметил: «Есть что-то безрадостное в революции, происшедшей из войны» [Бердяев 1991, 227]. Однако он принял эту революцию. Размышляя о текущих событиях, пытаясь предвидеть будущее, философ активно обсуждал происходящее на страницах разных журналов. Позже Бердяев собрал статьи (апрель 1917 г. — октябрь 1918 г.) в сборник «Духовные основы русской революции».

Несмотря на внимание к революционным событиям Бердяев в автобиографии сообщает, что когда «разразилась революция», он «чувствовал себя чужим и ненужным», «испытывал большое одиночество». Чем же это объяснялось? Бердяев писал: «Меня очень отталкивало, что представители революционной интеллигенции стремились сделать карьеру во Временном правительстве и легко превращались в сановников» [Там же, 227–228]. Сам философ при этом сообщает, что принимал участие в уличных событиях первых дней революции. Он пишет, что тяжело пережил «бегство русской армии с фронта», «...готов был даже солидаризоваться с генералами старой армии» [Там же, 228], объясняя это традициями военной семьи, из которой происходил. Бердяев обвинял интернационалистские партии, проводящие антивоенную агитацию в том, что они «...узурпируют волю народа... будучи меньшинством» [Бердяев 2007, 532]. Видя в интернационализме угрозу России, он полагал, что идея прекращения войны означает «...защиту Германии и германского социализма, настроенного наиболее империалистически» [Бердяев 2007, 531].

В статьях Бердяева о мартовских днях 1917 г. можно найти немало объяснений ее главному эпизоду — отречению царя и падению российского самодержавия. Философ поставил это событие в контекст мировой истории, вспомнив и Рим, и покорение Византии: «...пало тысячелетнее священное русское царство... последнее священное царство в мире» [Бердяев 2007, 508]. Бердяев думал, что монархия рухнула, потому что власть и народ были разделены. Теократическая идея в ее российском воплощении, по Бердяеву,

сделала Россию «...классической страной абсолютизма, деспотизма, бюрократического самовластия» [Там же, 509], где «...власть была оторвана от народа, история нашей государственности... была непрерывным насилием над народом, рабством его у инородных начал» [Там же]. Далее становится понятным, что «инородность» имеет значение «трансцендентности»: «Рабство народа у какой-то инородной ему, трансцендентной власти переживалось, как священное царство. В этом было много специфически русского и восточного». [Там же]. Его вывод: «...русская абсолютная монархия не была народной и не имела твердой опоры в народе» [Там же]. Этот вывод повлек за собой подробное рассуждение философа о священной власти как символе, материализовавшемся «во плоти», в «земном царстве». Источником рабства явилось принятие символа за реальность, что определило иллюзорность теократической идеи. По мысли Бердяева, осознание символизма, отказ от которого уже произошел в марте 1917 г., позволил бы в будущем преобразовать Россию на основах «человеческого властвования». Именно оно должно привести к свободе, расчистить дорогу «самоуправлению» человека, который не символически, через земную царскую власть, а напрямую соединится с Богом. И тогда в человеке будет «присутствовать непосредственная духовная реальность», в него вольется «реальная божественная энергия» [Там же, 511]. Это и есть духовная революция по Бердяеву — свершение «мистерии человеческого “я”». Он писал: «...религиозное сознание должно прийти к парадоксальной истине: реально божественна может быть лишь антропократия, теократия же всегда лишь символически божественна» [Там же]. Пройдя через религиозно-мистические искания после революции 1905 г. Бердяев нашел метафизическое объяснение падению священного российского царства и определил философско-антропологическую перспективу Февральской революции.

Однако не надо думать, что Бердяев видел весенние события только в религиозных одеждах. В статье «О политической и социальной революции»³ он не соглашался с определением революции как «политической» или «социальной», считая ее «буржуазной» и видя в ней выражение прогресса в истории: «“Буржуазная” революция сейчас в России и есть не классовая, а сверхклассовая, всенародная революция, осуществляющая задачи общенациональные и общегосударственные» [Там же, 524]. В полемике, идущей на страницах пореволюционной прессы о характере и задачах мартовской революции, Бердяев выступал за скорейшее перенаправление всех политических сил страны в реформаторское, хозяйственное русло. Он видел опасность в «пролетарской революции», классовой по своему характеру, которая будет иметь своим результатом «насильственную диктатуру» [Там же]. И он оказался в этом суждении абсолютно прав.

Бердяевская идея «самоуправления человека» отчасти корреспондировалась с тем, что писал Горький в статье весны 1917 г. Однако реакция Горького на революцию не имела ничего общего с религиозно-мистической антропократией Бердяева. Его понимание революции и тех преобразований, в которых нуждалось российское общество, имело совершенно «земной» характер. В статье «Об убийстве» писатель обосновывал важность преодоления «подлого прошлого», «хаоса темных, анархических чувств», порожденных «бесстыдным гнетом монархии» [Горький 1990, 82]. Горький считал убийство «преступлением против свободного человека», которое свидетельствует о «внутреннем» рабстве человека и от которого необходимо освободиться так же, как недавно Россия освободилась от «рабства внешнего» (самодержавия).

Задачи будущей России, которые определял Горький, в отличие от тех, что предлагал Бердяев, состояли в необходимости развивать «самоопределение» человека на почве культуры, в области образования, науки, развития интеллектуальных сил, собственного свободного творчества и искусства. «Теперь, — писал Горький, — в нашей воле показать *самим себе* (курсив мой. — М.К.) и миру наши дарования, таланты, наш гений. Наше спасение — в труде, да найдем мы наслаждение в труде» [Там же], заключая статью известной фразой — «мир создан не словом, а деянием» — отсылкой к гётевскому «Фаусту». Однако Горький, пройдя молодым пол-России, зная мужицкую жизнь — работу за копейку, которую легко пропить в кабаке, драку на смерть без особой на то причины, побои, достававшиеся и жене, и детям, безграмотность, безучастность к ближнему — не имел

иллюзий о возможностях и темпах выполнения сформулированной им культурной задачи. Он прямо говорит об этом: «Разумеется, — в два месяца не переродишься, однако чем скорее мы позаботимся очистить себя от пыли и грязи прошлого, тем крепче будет наше духовное здоровье, тем продуктивнее работа по созданию новых форм социального бытия» [Горький 1990, 113]. И снова пишет о состоянии души российского человека: «Мы не умеем любить, не уважаем друг друга, у нас не развито внимание к человеку, о нас давно уже и совершенно правильно сказано: “К добру и злу постыдно равнодушны”» [Горький 1990, 90]. Чем далее развивались события, тем вопросы культуры все больше поглощались политикой и войной: в мае 1917 г. Горький писал, что отправка на фронт музыкантов, художников, артистов — невосполнимая потеря для русской культуры. Необходимость разъяснения «народной массе» «трех оснований культуры» — опытной науки, свободного искусства и технически мощной промышленности (о развитии машинного производства много писал и Бердяев) — все это задачи «культурной работы», на которой настаивал М. Горький. Как мы знаем, он не только писал статьи на эти темы, но и был организатором: создавал общество «Культура и свобода», занимался охраной памятников культуры и искусства, возглавлял «Особое совещание по делам искусства», учреждал «Общество памяти декабристов», «Лигу социального воспитания» и др. организации.

Итак, завершая, можно констатировать, что первая революция и Бердяевым, и Горьким воспринималась как реализация общих интересов страны: свержения самодержавия и достижения свободы. Бердяев определил март 1917 г. как время реализации «инстинкта самоосвобождения целого народа», в котором не было «ничего классового и корыстного» [Бердяев 2007, 567]. К маю стало ясно, что само «развитие революции» обостряет противоположные интересы, потворствуя ее «разгульной стихии». Горький в «Несвоевременных мыслях» (2/15 мая 1917) писал, что противоположность интересов пропагандировалась и газетной полемикой. Разоблачая изо дня в день, из месяца в месяц рост доходов промышленников в печати, не стоило удивляться ответом народа — разрушением производства. Задача, как ее видел Горький, состояла не столько в обличении хозяев, сколько в «культурной работе», в объяснении людям «культурной», «творческой» роли промышленности, ее «государственного значения». Горький завершил эту статью словами о «полезности» интеллигенции — посвятить «...умы и сердца наши российскому народу для воодушевления его к разумному творчеству новых форм жизни» [Горький 1990, 125].

И Бердяев, и Горький весны 1917 г. видели одну и ту же проблему — «стихийная масса» более готова к разрушению, чем к созиданию в продолжающейся революции. Оба, как показала дальнейшая жизнь, не смогли повлиять на стихию революции.

Примечания

¹ В некоторых воспоминаниях о Февральской революции события в Петрограде и Москве назывались иногда «мартовской революцией». К примеру, историк С. П. Мельгунов назвал свою книгу «Мартовские дни 1917 года» (в тексте он пользуется понятием «Февраль», «Февральская революция»). В ней выстроена хроника событий февраля (марта) 1917 г. по документам и воспоминаниям очевидцев буквально по часам: подготовка и отречение императора Николая II, создание Временного комитета Государственной думы — предшественника Временного правительства, последствия «Приказа № 1», приведшего к развалу армии во время войны и др. [Мельгунов 2016]. Демонстрация работниц Путиловского завода случилась 14 февраля по юлианскому календарю, март в Европе (по григорианскому календарю) наступил уже через день. Так что название «мартовская революция» использовалось в мемуарах некоторыми современниками.

² По этой проблеме [Спиридонова 2013, 145–168].

³ Заметим, что статья была опубликована после событий 21 апреля — выступления рабочих и солдат против Временного правительства, приведшего к жертвам со стороны выступавших. Об этом также отзывался Горький в статье «Об убийстве».